

ПОД ЗНАМЕНЕМ БОЛЬШЕВИКОВ

Октябрьские события в Петрограде всколыхнули рабочих, крестьян и солдат в Белоруссии. Широчайшие массы повсеместно создают органы Советской власти. По распоряжению Минского Совета освобождаются политические заключенные, из них создается 1-й революционный имени Минского Совета красногвардейский полк. Все верные Совету воинские силы были приведены в боевую готовность.

26 октября организуется Военно-революционный комитет Западной области и фронта для практического руководства по установлению Советской власти в Белоруссии и на Западном фронте. В его состав вошли Мясников, Ландер, Фомин, Фрейман и др.

Таким образом, фактически мирно, без крови была установлена Советская власть в Белоруссии. Этот мирный захват власти был обусловлен в первую очередь победой пролетариата под руководством партии большевиков в Питере и в других крупных пролетарских центрах России, а затем подготовительной революционной работой, которую вели большевики в Белоруссии и на Западном фронте в период от Февраля к Октябрю.

Главнокомандующий Западным фронтом генерал Балув и комиссар Временного правительства при штабе Западного фронта Жданов вынуждены были «признать» образовавшуюся Советскую власть и принять представителя ее С. Е. Щукина в качестве комиссара штаба фронта.

Минский Совет располагал целым рядом воинских частей в виде караульного батальона, 1-го революционного имени Минского Совета рабочих и солдатских депутатов красногвардейского полка.

Одновременно в районе Минска враги революции собирали наиболее «благонадежные» воинские силы. В город тотчас были вызваны 2-я Кавказская кавалерийская дивизия, батальон ударников, сформированный из добровольцев-контрреволюционеров, и другие части. На эти части рассчитывали опереться представители Временного правительства в своей борьбе против большевиков и революционных масс.

Наша ошибка была в том, что мы не приняли всех мер, чтобы перетянуть на свою сторону солдат кавалерийской дивизии. Кро-

ме того, мы своевременно не вызвали с фронта в Минск верные нам части. Вообще никто в нашей организации не догадался поставить вопрос о необходимости создания в Минске решающего перевеса в войсках и вооружении. В день получения радиотелеграммы о вооруженном восстании в Петрограде 25 октября фронтовой комитет спешно направил в Кавказскую дивизию ярых врагов большевиков и Советской власти эсера Нестерова и меньшевика Колотухина. В ночь с 26 на 27 октября в Минске появились кавалерийские части, которые стали главной опорой контрреволюционных сил фронтового комитета, штаба Западного фронта, комиссара Временного правительства. Планы контрреволюции сводились не только к тому, чтобы задушить пролетарскую революцию в Минске, Белоруссии, но и принять все меры к подавлению революционных сил в Петрограде, Москве, используя для этого реакционные силы Западного фронта.

Эсеры, меньшевики, бундовцы и другие враги революции стали активизироваться. Используя преимущества в вооруженной силе, они сняли наши военные и комиссарские посты на почте, телеграфе, в штабе Западного фронта и в других учреждениях и заменили их своими. Правда, это им не удалось осуществить на вокзалах, которые по-прежнему охранялись вооруженными железнодорожниками, действовавшими под руководством большевиков. Соглашатели не осмеливались снять эти посты вследствие сопротивления вооруженных рабочих.

27 октября контрреволюция в Минске создала свой боевой штаб под названием «Комитет спасения родины и революции». Этот комитет потребовал у нас полной сдачи власти. В это время появляются сердобольные «примиренцы» из соглашательского лагеря, которые хотели во что бы то ни стало «сохранить единство». Меньшевик Штерн явился к нам на переговоры о том, как бы избежать столкновений и кровопролития, а по существу, как бы удержать руководство массами в своих соглашательских руках.

После переговоров представителей «Комитета спасения» и Минского Совета (Ландер, Мясников, Кнорин и др.), происшедших, кажется, в здании фронтового комитета, 27 октября было выработано соглашение между «Комитетом спасения» и Минским Советом рабочих и солдатских депутатов.

По этому соглашению Минский Совет передал власть «Комитету спасения», куда вошли представители Совета Алибегов и Перно. Минский Совет обязан был подчиняться постановлениям «Комитета спасения». Войска же, находившиеся в распоряжении Совета, выполняли приказы «Комитета спасения» лишь при условии получения их через Совет. Одновременно с этим «Комитет спасения» взял на себя обязательство не направлять через штаб фронта никаких воинских сил на Петроград и Москву.

Областной комитет нашей партии, учитывая явный перевес сил на стороне контрреволюции, вынужден был временно отступить и пойти на соглашение по тактическим соображениям. Не-

обходимо было выиграть время, чтобы перебросить с фронта в Минск революционные части и не дать возможности контрреволюции посылать войска на Петроград и Москву, где решались судьбы революции. Представители Минского Совета должны были оставаться в составе контрреволюционного комитета до прибытия решающих большевистских вооруженных сил с фронта, куда партийный комитет срочно направил товарищей Щукина, Полукарова, Соловьева и др.

«Комитет спасения» на всех заседаниях представлял собой орган из двух враждебно настроенных друг к другу лагерей: несколько десятков соглашателей против двух, и только двух, представителей Минского Совета, представителей революционного пролетариата и солдатских масс. Заседания протекали в истерических криках, шуме и угрозах меньшевистско-эсеровской своры по адресу большевиков и большевистских частей.

29 октября вечером разыгралась бурная сцена. Вбегают на заседание «Комитета спасения» меньшевик Жданов и эсер Злобин и требуют слова для внеочередного заявления. При возбужденном настроении всех членов комитета председательствующий, кажется Вайнштейн, предоставляет им слово. Они с бранью и криками набросились на представителей Минского Совета, обвинив Совет и большевиков в попытке арестовать членов «Комитета спасения» и разгромить штаб Западного фронта. Тут же было объявлено, что по всему городу выставлены пикеты Минского революционного полка, а сам полк движется с целью захвата штаба фронта, направив на него жерла зенитных орудий. Меньшевик Жданов, истерично выкрикивая слова, требует принятия немедленных решительных мер и предупреждает, что в противном случае будет поздно, ибо большевики не постесняются арестовать весь «Комитет спасения». Интересы, мол, революции требуют решительной борьбы против «губительной революции». Злобин дополнил, что Минский Совет не сдержал своего слова и начинает действовать против «Комитета спасения».

Особенную активность проявили эсеры Пашкевич, Николаев и Нестеров. В своих выступлениях они требовали немедленного ареста большевиков и разоружения верных Минскому Совету войск. Наконец, меньшевик Штерн вносит предложение потребовать от представителей Совета объяснений по внеочередному заявлению, после чего «Комитет спасения», обсудив все предложения, примет необходимые меры для урегулирования этого вопроса.

Наша делегация категорически отвела все подозрения выступавших относительно тайных целей Минского Совета о захвате штаба фронта и аресте членов «Комитета спасения». Она указала, что в ее распоряжении нет подобных данных, причем Минский Совет не мог нарушить соглашения, он строго его придерживается и без ведома своих представителей в «Комитете спасения» не отдает никаких распоряжений верным ему вооруженным силам.

Если же в городе и были выставлены где-нибудь пикеты, то, вероятно, это было сделано по почину самих войск. Поэтому следует во всем разобраться на месте. Делегация предложила свои услуги: проверить инцидент с пикетами. В случае обнаружения таковых она, на основе имеющихся полномочий от Минского Совета, обещала их снять, чтобы тем самым еще раз подтвердить лояльность Совета к «Комитету спасения». Наше предложение было поддержано делегатом профессиональных союзов Перелем, который выразил несогласие с крайними мерами эсеров и меньшевиков.

30 октября в «Комитете спасения» был поставлен вопрос о существовании Военно-революционного комитета. «Комитет спасения» не допускал одновременного существования Военно-революционного комитета, который, по словам эсеров и меньшевиков, преследует цели, вопреки соглашению, подготовки гражданской войны и «контрреволюционного переворота». В обоевание своего положения они приводили решение Военно-революционного комитета и большевиков о посылке Шукина, Фомина и других наших товарищей на фронт с задачей самочинного снятия большевистски настроенных полков для направления их в Минск против «Комитета спасения».

Наша делегация заявила, что Военно-революционный комитет в действительности не распущен и существует как орган Совета, соблюдающий все пункты состоявшегося договора, и следит за черносотенными элементами контрреволюции, которые, по имеющимся в Совете донесениям, угрожают существованию не только Минского Совета и его вооруженных частей, но и самого «Комитета спасения». По второму же вопросу было заявлено, что информация ложная, так как сами делегаты вчера видели Шукина и других и что никакого решения подобного рода не было принято. После целого ряда реплик и пререканий делегация твердо продолжала стоять на своей позиции и хотя не убедила всех, но вызвала некоторое колебание среди многих членов «Комитета спасения». В заключение по инициативе Штерна и Вайнштейна была вынесена резолюция о немедленном роспуске Военно-революционного комитета. Конечно, мы прекрасно знали о поездке товарищей на фронт за вооруженными силами и старались скрыть этот факт.

У перепуганных соглашателей не обошлось и без комизма. На одном из заседаний «Комитета спасения» сообщают меньшевику Жданову, что к его дому прибыл грузовик с вооруженными солдатами. Жданов истерическим голосом заявляет, что грузовик явился обыскать помещение и арестовать его. Он требует немедленных решительных мер против Минского Совета и большевиков. Как выяснилось потом, грузовик-то был отправлен по распоряжению самого Жданова за бумагой. Вот до чего запуталась мелкобуржуазная свора даже в своих собственных мероприятиях.

Достаточно и этих сцен борьбы Минского Совета, Военно-революционного комитета и его делегации против так называемого

«Комитета спасения родины и революции», чтобы показать правильность тактической линии представителей Минского Совета в этом комитете, призванных проводить в жизнь решение областного комитета партии об оттягивании времени открытых столкновений до прибытия в Минск фронтовых подкреплений. Быть может, отдельные выражения и даже некоторые выступления были неудачными, но в основном делегация не сдала позиций и удовлетворительно выполнила задачу тактической игры.

Появление в ночь с 1-го на 2 ноября бронированного поезда... под командой геройски действовавшего Пролыгина, бронемашин и частей, кажется, 60-го Сибирского полка было тем дополнительным фактором, который изменил решительно соотношение сил в Минске в пользу большевиков.

Опираясь на эти грозные для контрреволюционных элементов силы, Минский Совет через свою специальную новую делегацию огласил в «Комитете спасения родины и революции» декларацию о нарушении им соглашения — направлении некоторых войск против революции в Петроград и Москву — и заявил о выходе своих представителей из комитета спасения контрреволюции.

Таким образом, на базе массового революционного движения рабочих и солдат в Белоруссии партия большевиков с приходом дополнительной вооруженной силы с фронта восстановила власть Советов и ликвидировала власть контрреволюционного «Комитета спасения».

Партийная организация большевиков в Минске допускала ряд ошибок на путях подготовки к Октябрю, но она шла в основном по ленинской дороге в массы и с массами к восстанию, к Великой Октябрьской социалистической революции.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник воспоминаний участников революции в промышленных центрах и национальных районах России. М., 1958, с. 307—311